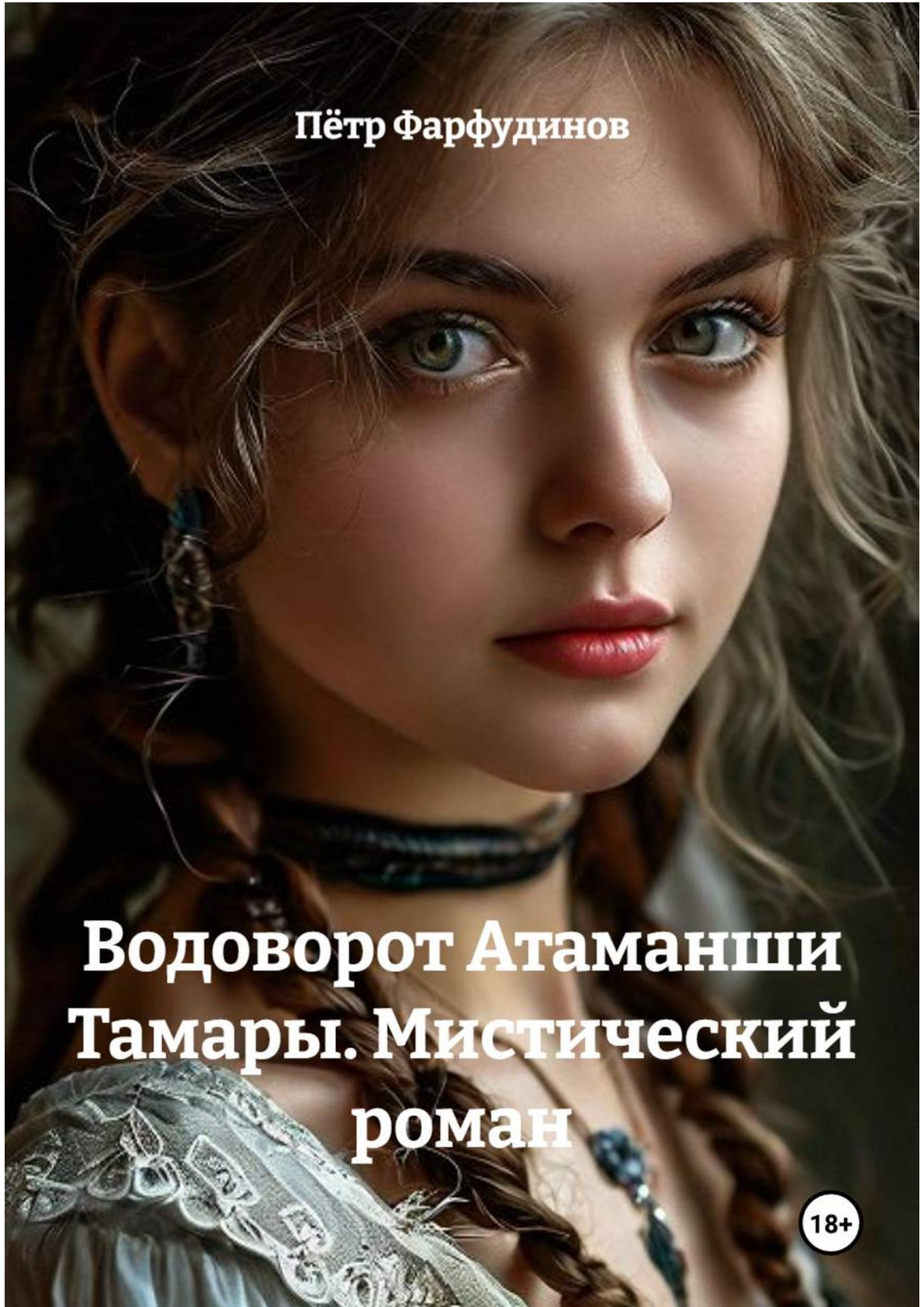

Пётр Фарфудинов

**Водоворот Атаманши
Тамары. Мистический
роман**

18+

Пётр Фарфудинов

**Водоворот Атаманши
Тамары. Мистический роман**

«Автор»

2026

Фарфудинов П.

Водоворот Атаманши Тамары. Мистический роман /
П. Фарфудинов — «Автор», 2026

Сибирь. Деревня на берегу реки Чумыш. Здесь живёт Тамара — молодая казачка с железным характером, которую местные называют Атаманшей. Однажды на этих берегах появляется чужак — писатель Виктор, приехавший собирать местные легенды. Между ними вспыхивает страсть. Но в древних водах Чумыша живёт ревнивая душа реки — утопленница, не терпящая чужого счастья. Она готова уничтожить всё, что посмеет разлучить Тамару с этим берегом. Водоворот затягивает их в пучину мистических испытаний: знаки и предупреждения, нападение тёмной силы, противостояние с селом, где страх и злоба переплелись с суевериями. Чтобы выжить, Тамаре и Виктору придётся узнать правду — о себе, о реке, о роде Хранительниц, веками охранявшем этот край. История о любви, которая не боится ни людской злобы, ни древних проклятий. О силе, рождённой из боли. О правде, которая сильнее лжи. О том, что даже тёмная стихия может стать союзницей, если подарить ей своё сердце.

© Фарфудинов П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Фарфудинов

Водоворот Атаманши

Тамары. Мистический роман

Чумыш. Водоворот Атаманши Тамары

Песок был мелким и теплым, почти как шелк на изнанке старого платья. Тамара ступила на него босой ногой, ощущая каждой клеткой кожи освобождение от пыльной дороги, от тяжелых взглядов, от собственной судьбы, которая до этого дня казалась ей тесной, как ворот рубахи. Она медленно, почти ритуально сняла ситцевое платье, сползшее с ее плеч с тихим шорохом, затем нижнюю юбку, пока не осталась одна под ярким сибирским солнцем, что смело и бесстыдно освещало каждую линию ее тела. Тела молодого, крепкого, созданного не для томных вздохов в полутемных горницах, а для жизни – полной, яростной, как сама река перед ней. Ее грудь, высокая и пышная, чуть вздымалась в предвкушении. Одежду она сложила аккуратной стопкой, придавив края плоской галькой. И тогда, разбежавшись по горячему песку, с криком, в котором вырвались на волю все ее двадцать три года ожидания, она вбежала в пучину Чумыша.

Вода, ледяная даже в июльский зной, не обожгла, а скорее хлестнула, ударила по коже тысячей игл. Приятная боль, смывающая все. Она оттолкнулась от дна и мощно, длинными гребками, пошла через течение. Она плыла не как городская барышня, а как тот, кто знает воду с детства – уверенно, спокойно, наслаждаясь борьбой с потоком. Течение пыталось снести ее вниз, но она корректировала курс, ее сильные белые руки рассекали темную воду. Она знала, что он там. На том берегу. Тот, чей приезд в их забытую богом деревеньку заставил ее сердце биться так, будто она вбежала не в реку, а в стену пламени.

Он стоял в тени старой ивы, прислонившись к шершавому стволу, и курил. Молодой мужчина, но не мальчишка. Взгляд его был взрослым, усталым, повидавшим виды. Его звали Виктор, и он приехал из города, как говорили, писать книгу о местных легендах. Он наблюдал за ней с того самого момента, как ее фигура отделилась от полосы песка. Наблюдал, затаив дыхание, не от похоти, а от изумления перед этой дикой, природной красотой. В ней было что-то от самой реки – непредсказуемое, могучее, опасное.

Именно тогда Чумыш показал свой характер. Ни с того, ни с сего, в пятнадцати метрах от плывущей Тамары, вода вдруг закрутилась. Не просто рябь, а глубокая, темнеющая на глазах воронка. Она возникла молниеносно, как черная дыра, проглотившая солнечный свет. По легенде, которую Виктор уже записал в свою потрепанную тетрадь, в этих воронках жила душа реки – ревнивая, мстительная, не терпящая счастья на своих берегах, особенно счастья любовного. Говорили, она забирала себе самых красивых и страстных.

Течение вокруг Тамары резко изменилось. Оно перестало просто сносить, а потянуло, засосало, как в гигантскую воронку пылесоса. Она почувствовала это сразу – ноги стали тяжелыми, вода будто загустела вокруг лодыжек. Она перестала плыть и попыталась встать, но дна под ногами уже не было – здесь была яма. «Чёрт!» – вырвалось у нее, не крик страха, а ругань досады. Она рванулась в сторону, но водоворот, набирая силу, тянул ее к своему центру. Паника, холодная и липкая, впервые за долгое время шевельнулась у нее в груди, но она ее тут же задавила. «Не бывать этому!» – мысленно выкрикнула она и, набрав воздуха, нырнула, пытаясь под водой вырваться из пут течения.

На берегу Виктор бросил сигарету и, не раздумывая, сбросив ботинки и рубаху, рванул к воде. Он плыл быстро, отчаянно, но река, словно почуяв его намерение отнять у нее добычу, разыгралась еще сильнее. Ветер поднял мелкую рябь, закрывающую обзор.

А в это время из-за поворота, с высокого обрывистого берега, за всем происходящим наблюдала другая группа. Трое парней из соседнего села – братья Кузнецовы, Сашка, Федька и младшенький, Генка. Они пили теплую водку из горла и делили последнюю пачку сигарет. Увидели они Тамару еще на том берегу, и у всех троих в голове зажглась одна и та же грязная, пьяная искра. А когда увидели, как она раздевается и бросается в воду, искра эта разгорелась в пожар нагой, уверенной в своей безнаказанности похоти. «Глянь, атаманша-то наша купаться собралась!» – хрипло засмеялся старший, Сашка. Они наблюдали, как она плывет, как появляется воронка, как навстречу ей кидается городской. «Опа, герой нашелся!» – крикнул Федька. Идея родилась мгновенно, подогретая алкоголем и вседозволенностью глухого места. Они, крадучись, начали спускаться к тому месту, где на песке лежала аккуратная стопка Тамариной одежды. Их план был прост и мерзок: взять заложницу-одежду, а потом посмотреть, что будет делать эта спесивая казачка, выбравшись к ним, голая и беспомощная. Сладости они хотели не конфетной, а иной, горькой и унижительной.

Под водой Тамара боролась не на жизнь, а на смерть. Темнота была абсолютной, холод пронизывал до костей. Ее тянуло ко дну, но вдруг она почувствовала странное – не просто силу течения, а будто чьи-то руки, обвивающие ее ноги. Не водоросли, а именно пальцы, длинные и цепкие, ледяные. Мистика, о которой твердили старики, перестала быть сказкой. Ею овладел не страх, а ярость. Бешеная, казачья ярость. Она изогнулась, собралась с силами и со всей мощи ударила пяткой в темноту. Раз, другой. И... ощущение рук исчезло. Водоворот на секунду замер, будто в замешательстве от такой дерзости. Этого мгновения хватило. Она вынырнула, отчаянно хватая ртом воздух, и увидела почти рядом с собой бледное от напряжения лицо Виктора.

– Ко мне! – закричал он, протягивая руку.

Она не стала спорить. Ухватила за его запястье железной хваткой. Их снесло метров на десять, прежде чем Виктору удалось зацепиться свободной рукой за торчащую из воды корягу. Они повисли на ней, оба отчаянно дыша, прижимаясь, друг к другу в ледяной воде. Тело к телу. Сердце Тамары билось так, что казалось, вырвется из груди, но не только от борьбы с рекой. Близость этого мужчины, его запах – смесь речной воды, табака и чего-то твердого, мужского – ударил в голову сильнее, чем холод Чумыша.

– Спасибо, – выдохнула она, глядя ему прямо в глаза. И в ее взгляде не было ни капли покорности, только признание факта: он рискнул.

– Не за что, – хрипло ответил он. – Ты же сама... Атаманша.

Она удивилась, что он знает ее деревенское прозвище, и едва заметно улыбнулась. В этот момент они услышали смех. Грубый, пьяный. С берега.

Оба повернули головы. На песке, рядом с ее одеждой, стояли трое. Старший, Сашка, уже держал в руках ее ситцевое платье, размахивая им, как флагом.

– Ну что, Тamarочка, вылезай! – проорал он. – Одежку твою просушим! А ты нам за спасение... отблаговаришь!

Федька и Генка залились визгливым смехом.

Ярость, только что направленная на реку, вернулась в Тамару, но теперь она была холодной и расчетливой. «Атаманша» проснулась в ней полностью.

– Сиди тут, – приказала она Виктору тихим, но таким твердым голосом, что он невольно подчинился. – Это мое дело.

– Они же втроем! – попытался возразить он.

– Тем лучше, – бросила она через плечо и, отпустив корягу, мощно поплыла к берегу. Не к тому месту, где стояли парни, а чуть ниже, где из воды торчала старая, полузасыпанная песком, бетонная плита – остатки давно размытого моста.

Она вышла из воды. Не смущенно, не прикрываясь, а с гордой, вызывающей осанкой. Вода стекала по ее телу, по пышной груди, по сильным бедрам, солнечный свет играл на каждой капле. Она была прекрасна, как древняя богиня, и столь же опасна. Парни на секунду притихли, пораженные не только ее наготой, но и тем бесстрашием, что исходило от нее.

– Ну что, красавица, приплыла? – Сашка сделал шаг вперед, бросая платье на песок.

Тамара ничего не ответила. Она подошла к плите, наклонилась и с силой дернула за торчащий из нее ржавый прут арматуры. Длинный, около метра, он с хрустом поддался. Теперь у нее в руке было внушительное оружие.

– Положите одежду. И уходите, – сказала она спокойно, но так, что по спине у младшего, Генки, пробежали мурашки.

– Ты что, с ума сошла? – фыркнул Федька, но в его голосе уже слышалась неуверенность.

– В последний раз говорю, – голос Тамары стал тише и оттого страшнее.

Сашка, решив, что это блеф, с пьяной ухмылкой двинулся к ней. И тогда она сделала одно резкое движение. Не размахнувшись, а точно и быстро, как кнутом, ударила концом арматуры по его голени. Хруст, дикий вопль, и Сашка рухнул на песок, схватившись за ногу. Федька бросился на помощь брату, но Тамара была уже рядом. Удар ребром ладони по шее (дед-казак учил когда-то) – и, Федька, давясь кашлем, откатился в сторону. Генка же, совсем соплик, увидев это, просто развернулся и бросился бежать вверх по склону, не оглядываясь.

Наступила тишина, нарушаемая только стоном Сашки и тяжелым дыханием Федьки. Тамара стояла над ними, держа арматуру, словно атаманскую насеку. Вода с ее тела капала на горячий песок с тихим шипением.

И тут она увидела Виктора. Он стоял по колено в воде, недалеко от берега, и смотрел на нее. Но не с ужасом, не с осуждением. В его глазах горел странный, смешанный огонь: изумление, восторг и... восхищение. То самое восхищение, которое возникает не перед беспомощной красотой, а перед силой. Перед дикой, неукротимой, прекрасной силой.

Он медленно вышел на берег, поднял ее платье, стряхнул песок и молча протянул ей. Их пальцы соприкоснулись. И в этот момент, казалось, сама река затаила дыхание. Вода в том месте, где была воронка, успокоилась, став темной и гладкой, как зеркало. Но в этом зеркале, как показалось Виктору, мелькнуло не отражение неба, а чей-то женский, ревнивый и печальный взгляд, тут же пропавший в глубине.

Он понял, что легенда была права. Ревновала. Не река к нему. А река – к ней. К Тамаре. К ее дикой, свободной силе, которую не могли сломить ни водовороты, ни людская подлость. И он понял, что его книга о легендах только что обрела главную героиню. А его холодное, городское сердце – нечто гораздо большее.

Тамара, не отводя от него взгляда, накинула платье на мокрое тело. Ситец мгновенно прилип к коже, обрисовывая каждую линию.

– Пойдем, – сказала она просто. – Здесь теперь пахнет страхом и глупостью. Не люблю этот запах.

И она пошла вверх по тропинке, даже не оглянувшись на стонущих парней. Виктор пошел следом, и его сердце билось в унисон с отдаленным, сердитым гулом реки Чумыш, которая, проиграв эту битву, лишь затаилась, чтобы ждать нового шанса. Их история, полная мистических предзнаменований, ревности стихии, дерзких вызовов и неукротимой страсти, только начиналась. А впереди были долгие сибирские ночи, полные тайн, и дни, где любовь будет бороться не только с человеческой злобой, но и с самой душой этой древней, непредсказуемой реки.

Они шли молча по тропинке, петляющей между зарослями ивы и дикой смородины. Тяжелый, влажный ситец платья прилипал к телу Тамары, но она не обращала на это внимания. Ее мысли работали четко и холодно, оценивая ситуацию. Она слышала за спиной шаги Виктора – не робкие, но и не наступающие слишком близко. Правильная дистанция. Он понимал.

– Ты часто так... решаешь вопросы? – наконец нарушил он тишину. В его голосе не было осуждения, только любопытство исследователя, наткнувшегося на редкий артефакт.

– Когда вопросы ставят меня в тупик, – ответила она, не оборачиваясь. – А тупиков я не люблю.

– Твои методы... впечатляют.

– Это не методы. Это реакция. Как у волка на капкан. Или у реки на плотину.

Она остановилась на краю небольшой поляны, где стоял старенький, покосившийся дом ее деда – теперь ее дом. Повернулась к нему. Ее лицо, с высокими скулами и упрямым подбородком, было серьезно, но в серых глазах теплилась искра, которую он заметил еще в воде.

– Заходи. Вытрешься. И расскажешь, зачем тебе на самом деле понадобилось лезть в Чумыш за мной. Не для книги же.

Виктор почувствовал, как под ее взглядом все его предварительно заготовленные версии – про исследование, про фольклор – рассыпались в прах. Она видела насквозь. В доме пахло сушеными травами, старым деревом и теплом печки. Она кивнула на грубо сколоченную скамью, сама достала из сундука большую холщовую рубаху и сухую юбку, и, не стесняясь, начала переодеваться прямо при нем, сбрасывая мокрое платье. Виктор, воспитанный в условностях города, отвел взгляд, но краем глаза все равно видел плавную линию ее спины, жесткие следы от мокрой ткани на коже. Его горло пересохло.

– Ну? – она набросила рубаху, застегивая пуговицы у горла. Действие было простым, но в нем была какая-то царственная неспешность.

– Ты права, – начал он, глядя на свои руки. – Не только для книги. Хотя... книга есть. И легенды о Чумыше, о его духе-хранителе, или душе, или ревнивице... они реальны. Я собирал их по всему краю. И везде слышал одно: река наказывает за страсть на своих берегах. За слишком яркое, слишком земное счастье. Забирает его, топит, уносит в омут.

– Суеверия, – отмахнулась Тамара, но в ее голосе не было прежней уверенности. Она помнила те ледяные пальцы под водой.

– Может быть. Но сегодня... эта воронка. Она появилась ровно тогда, когда ты плыла ко мне. Не раньше, не позже.

– Случайность.

– А то, что она отпустила тебя, только когда я схватил тебя за руку?

Тамара замолчала, прислонившись к притолоке. Она смотрела в окно на серебристую ленту Чумыша.

– Что ты хочешь сказать? Что эта... душа реки ревнует тебя? – в ее голосе прозвучала насмешка, но слишком натянутая.

– Нет, – тихо сказал Виктор. – Я думаю, она ревнует тебя. Ко всему. Ко мне. К любой возможности увести тебя с этого берега, отдать тебя кому-то или чему-то еще. Ты... ты похожа на нее. Такой же сильный, непокорный поток.

Эти слова повисли в воздухе, наполненном запахом трав. Тамара взглянула на него, и в ее глазах мелькнуло что-то неуловимое – понимание? Признание?

– Глупости, – сказала она, наконец, но уже мягче. – Я просто живу здесь. А ты..., ты скоро уедешь. Со своей книгой.

Он хотел возразить, сказать, что все может быть иначе, но в этот момент снаружи раздался шум – грубые голоса, звук подъехавшего мотоцикла. Тамара нахмурилась и подошла к окну. На поляну, к дому, подкатил «Урал» с коляской. Из него вывалились двое взрослых, хмурых мужчин – отец Кузнецовых, Игнат, и его брат. А следом, прихрамывая, шел Сашка, с перекошенным от боли и злобы лицом. За ним плелся Петька, потирая шею.

– Тамара! Выходи, стерва! – заревел Игнат, стуча кулаком в притворенную калитку. – Ты моего сына калечишь? Я тебе всю эту казацкую спесь выбью!

Виктор вскочил.

– Позвонить в милицию? – быстро спросил он.

– Не доберешься, – коротко бросила Тамара. Лицо ее стало каменным. В ее движениях не было и тени страха, только холодная решимость. Она подошла к печке, сняла со стены дедовскую шашку в старых, потертых ножнах. Не длинную боевую, а более короткую, казачью, но от этого не менее грозную. Виктор увидел, как ее пальцы привычно обхватили рукоять.

– Сиди тут. Не высовывайся, – приказала она ему тем же тоном, каким говорила у реки.

– Тамара, их трое взрослых мужиков! Они в ярости!

– Тем лучше, – повторила она свою формулу и вышла на крыльцо, щелкнув засовом калитки на замок снаружи, заперши Виктора в доме.

Он бросился к окну. Тамара стояла на верхней ступеньке, положив руку на эфес шашки. Ее фигура в простой рубахе казалась невероятно величественной.

– Игнат Петрович, – голос ее прозвучал звонко и четко, как удар стали. – Твой сын, сво-
лочь пьяная, хотел меня изнасиловать у всей реки на глазах. Получил по заслугам. Второй получил – за пособничество. По нашим законам, казачьим, за такое и вешали. Отделался легким испугом. Благодарю Бога, что я еще в милосердном настроении.

– Какие нафиг законы! – бушевал Игнат. – Ты, шалава, одна живешь, всех мужиков вокруг изводишь, а тут на сыновей благородных кинулась! Я те...

Он сделал шаг вперед. И тогда Тамара одним плавным, отработанным движением выхватила шашку из ножен. Сталь блеснула в солнечном свете холодным, смертельным блеском. Она не замахнулась, просто держала клинок перед собой, как продолжение своей воли.

– Следующий шаг, Игнат Петрович, будет твоим последним на этой земле, – сказала она так спокойно, что мурашки побежали по коже даже у Виктора, наблюдающего из-за стекла. – Я – дочь и внучка казаков этой станицы. Этот дом и эта земля – мои. Твое пьяное отродье посягнуло на мою честь. По нашему праву, я имею полное право защищать ее до последней капли крови. И начну с тебя. Подумай, стоит ли ссанный отпрыск твоей чести?

Наступила мертвая тишина. Даже Сашка перестал стонать. Игнат смотрел на блестящую сталь, на ее глаза – серые и бездонные, как сам Чумыш в час перед бурей. Он знал, что это не блеф. Знал он и ее деда, того самого, чья шашка сейчас была в ее руке. И знал, что казачка сказала – так и будет. Злоба в его глазах стала бороться со страхом и каким-то животным уважением к этой дикой, неукротимой силе.

В этот момент где-то внизу, у реки, раздался оглушительный всплеск, как будто в воду швырнули огромный камень. Все невольно вздрогнули и обернулись. Ничего не было видно, но над водой у того самого места, где была воронка, внезапно поднялся странный, холодный туман, клубящийся, как дым. И по воде пошли круги – большие, ровные, будто от невидимого тела.

Легенда ожила перед глазами даже у самых отъявленных скептиков. Игнат перекрестился, бормоча что-то невнятное. Его брат отступил на шаг.

– Колдовство твое... – прохрипел Игнат, но уже без прежней мощи.

– Не мое, – холодно ответила Тамара, не опуская шашки. – Это Чумыш. Он, видимо, тоже не в восторге от вашего поведения. Может, хочет присоединиться к разговору.

Это было последней каплей. Игнат махнул рукой.

– Ладно,... Чёрт с тобой. Сашка, иди, хромой черт... – он бросил на Тамару последний, полный ненависти и суеверного страха взгляд, развернулся и потащил сына к мотоциклу. Через минуту «Урал» с ревом умчался, поднимая облако пыли.

Тамара стояла неподвижно, пока звук мотора не затих вдали. Потом медленно, будто через силу, вложила шашку в ножны. Ее плечи на мгновение дрогнули. Она была не из железа, просто умела не показывать слабость. Виктор выскочил из дома. Он хотел ее обнять, поддержать, но она отстранилась, все еще находясь в том измерении, где есть только воля и сталь.

– Видишь? – сказала она, глядя туда, где рассеивался туман над рекой. – Здесь все сложно. И опасность не только в воде. Ты еще хочешь писать свою книгу?

Он посмотрел на нее – на эту удивительную женщину, которая только что голыми руками и холодной сталью отстояла себя перед толпой, и которую, кажется, охраняет сама темная душа реки.

– Больше чем когда-либо, – честно ответил Виктор. – Но книга... она теперь о тебе. Если ты позволишь.

Тамара, наконец, перевела на него взгляд. Суровость в ее глазах растаяла, уступив место усталой уязвимости и тому самому неуловимому огоньку.

– Позволю, – сказала она просто. – Но на моих условиях. Первое – никакой жалости. Второе – никакой лжи. Ни в книге, ни... здесь.

Она кивнула в пространство между ними, где уже витал незримый, плотный и тревожный, как предгрозового воздуха, поток зарождающегося чувства. Чувства, которое, как оба понимали, уже разбудило не только их самих, но и того древнего, ревнивого хранителя этих вод. И борьба только начиналась.

Условия были приняты молча, крепким рукопожатием. Его ладонь была твердой, с мозолями от карандаша и полевого бинокля, ее – сильной, с памятью о рукояти косы и пашки. Этот контакт был красноречивее любых клятв.

Так начались их странные, напряженные дни. Виктор поселился в старой баньке на задворках Тамариного участка. Он пытался работать – листал тетради, записывал рассказы старух, но мысли его постоянно возвращались к хозяйке дома. К тому, как она рубила дрова – точно, без лишних движений, мышцы спины играли под тонкой тканью рубахи. К тому, как молча, с каменным лицом, слушала очередную байку о проделках «Чумыша» – духа реки, и в ее глазах читалось не суеверное преклонение, а понимание, как будто она знала эту соседку слишком хорошо.

Вечерами, после работы, они сидели на завалинке. Виктор расспрашивал, она отвечала скупой, но точной. Рассказывала о деде, научившем ее и пашкой владеть, и травы различать, и воду чувствовать. О матери, умершей рано, о отце, ушедшем на Север и не вернувшемся. В ее истории не было места сантиментам, только факты, сухие и жесткие, как щепка.

– А почему одна? – рискнул спросить он как-то, когда сумерки ступились и река, стала похожа на растекшуюся тушь.

– Не сложилось, – отрезала Тамара. Потом, помолчав, добавила: – Кто-то боялся меня. Кто-то – реки. А кто-то... просто был не тем.

– А какой – тот? – спросил Виктор, и сам удивился своей дерзости.

Она посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом, в котором мерцали отблески уходящего солнца.

– Тот, кто не боится ни меня, ни реки. И кто сильнее их обеих.

Она встала и ушла в дом, оставив его одного с этим ответом, который обжигал сильнее любого признания.

А река не дремала. Мистические явления, о которых Виктор писал как о фольклоре, стали частью их реальности. Однажды ночью он проснулся от ощущения, что за маленьким окошком баньки кто-то стоит. Не человек – ощущение было холодным, влажным, бездыханным. Он подошел к окну и увидел на мутном стекле отпечаток – четкий, как будто кто-то прижал к нему ладонь, но пальцы были слишком длинными, с перепонками. Отпечаток медленно стекал, как капли конденсата. На следующее утро Тамара, проверяя сети у берега, нашла в них не рыбу, а странный предмет – старую, почерневшую от времени женскую гребенку из кости, вплетенную в тину. Она смотрела на нее без удивления, только с глубокой, древней печалью.

– Это она, – сказала Тамара тихо. – Знаки подает. Ревнует.

– Кто она? – спросил Виктор.

– Душа Чумыша. Утопленница. Говорят, веков назад полюбила казака, а он ей изменил с земной девушкой. Она с горя кинулась в омут и стала частью реки. С тех пор ненавидит счастье других.

Она бросила гребенку обратно в воду. Та не утонула, а встала вертикально, как маленький черный парус, и медленно поплыла против течения, к месту воронки.

В деревне, между тем, зрела своя буря. История с Кузнецовыми обросла дикими подробностями. Одни шептались, что Тамара – ведьма, и договорилась с речным чертом. Другие, в основном мужики, поглядывали на Виктора с завистью и злобой: городской щелкопер забрался к их самой крутой дичке. А молодежь, та самая, что тусовалась у обрыва, не унималась. Оскорбленное самолюбие Сашки и **Федьки** требовало мести. Но теперь они боялись и Тамары, и непонятных явлений на реке. Их злоба искала обходной путь.

Как-то раз, когда Виктор ушел в соседнее село за продуктами, к Тамаре наведалься Арина, местная сплетница, подруга матери Кузнецовых.

– Тамарка, предупреждаю как соседка, – начала она, причмокивая. – Твой-то городской... он не просто так тут. Слышала, он в городе жену бросил, детишек малых. И книжки пишет про нас, чтоб все над нами смеялись. Выставляет нас дикарями. А тебя..., тебя, милая, он использует. Для красного словца, накаркает про тебя всякого, уедет, а ты здесь одна с разбитым сердцем да с испорченной репутацией останешься.

Тамара слушала молча, лицо ее было непроницаемо. Потом спокойно сказала:

– Спасибо, Арина. За заботу. Дверь закрой, не тепло на улице.

Но когда женщина ушла, Тамара долго сидела, глядя в одну точку. Сомнение, черное и холодное, как вода из омута, заползло в ее душу. Она не боялась мужчин с кулаками, но боялась лжи. Боялась быть обманутой, использованной, выставленной на посмешище. Этот страх был слабостью, которой в ней не должно было быть. И она ненавидела себя за это.

Вечером Виктор вернулся. Он был оживлен, привез кое-какие записи, книгу для нее – сборник сибирских сказок. Он что-то рассказывал, но видел – ее нет с ним. Она отстранена, холодна.

– Что случилось? – наконец спросил он.

– Расскажи о своей жене, – вдруг сказала она, глядя ему прямо в глаза. – И детях. Виктор замер. Потом медленно выдохнул.

– Жены нет. Была. Развелись три года назад. Она уехала к родителям, в другой город. Детей... детей у нас не было. Не сложилось. Это больно, Тамара. Я не люблю об этом говорить.

Он говорил искренне. Боль в его глазах была настоящей, старой, выношенной. Тамара, которая с детства училась различать фальшь в голосе и взгляде, почувствовала правду. Камень с души свалился, но на его место пришла другая тяжесть – стыд за свое малодушие.

– Прости, – тихо сказала она. – Мне наговорили.

– Не извиняйся, – он подошел ближе, но не касался ее. – Здесь, в этой глуши, сплетни – вторая река. Только грязнее. Я понимаю.

Их взгляды встретились. В этот момент где-то на реке завывала выпь – звук тоскливый, раздражающий. А в окно ударил порыв ветра, такой сильный, что ставенка захлопнулась с грохотом. Мистическое предостережение или просто совпадение? Виктор не выдержал и положил руку на ее плечо. Она вздрогнула, но не отпрянула. Ее тело, всегда такое собранное и неуязвимое, под его ладонью вдруг показалось хрупким.

– Я не использую тебя, Тамара, – сказал он глухо. – Ты... ты меня меняешь. Перепахиваешь, как целину. Я пишу не книгу о легендах. Я пишу летопись чуда. А ты – это чудо.

Он наклонился, и их губы встретились. Это был не нежный поцелуй, а столкновение, как встреча двух течений – бурного и глубокого. В ней вспыхнул огонь, долго тлевший под пеплом одиночества и необходимости быть сильной. Она ответила ему с такой же яростью, впиная пальцами в ткань его рубахи, как будто боялась, что его унесет тот же поток, что пытался утратить ее.

И в этот самый миг за окном, на реке, случилось нечто ужасное. Раздался оглушительный, нечеловеческий вопль – не из глотки, а будто из самой толщи воды, полный боли, ревности и бессильной ярости. Вода в Чумыше забурилась на огромном протяжении, как будто вскипела, хотя была ледяной. А потом из глубины, прямо по середине реки, поднялся столб воды – темный, крутящийся, увенчанный пеной, похожей на растрепанные космы. Он простоял несколько секунд, угрожающий и прекрасный в своем диком гневе, и с грохотом обрушился назад.

Они оторвались друг от друга, тяжело дыша. В доме было темно, только отблески этого водяного смерча еще дрожали на стенах.

– Это она, – прошептала Тамара, и в ее голосе не было страха, только горькое понимание.
– Она увидела. И не простит.

Виктор обнял ее, прижал к себе. Ее сердце билось о его грудь частыми, сильными ударами.

– Пусть не прощает, – сказал он, и его голос впервые зазвучал с той же стальной нотой, что была в нее. – Ты – моя. И ни река, ни сплетни, ни пьяные отбросы этого не изменят.

Но они оба знали – это была только декларация войны. А война с древней, одушевленной стихией, подкрепленной людской завистью и злобой, только начиналась. Самое страшное было впереди. И первой ласточкой стал странный, непрекращающийся дождь, который начался той же ночью и заставил Чумыш выйти из берегов, подбираясь все ближе к старому дому на окраине.

Дождь не утихал неделю. Не сильный ливень, а мелкий, назойливый, ледяной, словно сама река поднялась в небо и теперь опрокидывалась обратно сплошной, серой пеленой. Чумыш вздулся, почернел, течение стало бешеным, свирепым. Он подбирался к огородам, уже подмыл край обрыва, с которого наблюдали Кузнецовы. В деревне говорили, что это Чумыш гневается, что нужно ублажить ее – бросить в омут что-нибудь ценное, а лучше – прогнать тех, кто гневит. Взгляды на дом Тамары становились все злее и прямее.

Они были заперты в доме, как в осажденной крепости. Сырость пропитала все. Виктор колол дрова в сених, пытаясь поддерживать огонь в печи, который отчаянно сопротивлялся влажному воздуху. Тамара молча варила скудную похлебку. Та близость, что вспыхнула в ту ночь, не исчезла, но была отложена, придавлена тяжестью атмосферы. Они были как два союзника перед лицом общего врага, и враг этот был везде – в шелесте дождя по крыше, в зловещем гуле реки, в косых взглядах из-за заборов.

Однажды утром Тамара, выглянув в окно, увидела, что вода подошла к самому палисаднику. А среди мутных потоков, омывающих ее забор, что-то блеснуло. Она накинула плащ и вышла. Это была не гребенка. Это была старая, истлевшая на половину, тряпичная кукла, с нашитыми из черных ниток глазами. Ее прибило к жерди забора, и она качалась на волнах, уставившись пустыми глазницами прямо в окно дома. Кукла-оберег. Детская, но наводящая ужас. Знак. Не речной, а человеческий. Кто-то из деревни сделал это. Подбросил.

Тамара сорвала куклу с жерди, сжала в кулаке. Грязь текла у нее по пальцам. Она подняла глаза и увидела на противоположной стороне улицы, в окне дома Кузнецовых, приоткрытую штору и лицо Игната. Он смотрел на нее без выражения, но в его позе была тупая, звериная уверенность. Это была не мистика. Это была угроза понятнее и, возможно, страшнее. Люди.

Она вернулась в дом, бросила куклу в печь. Пламя с хрустом поглотило тряпки, запахло паленым.

– Это уже переходит все границы, – сквозь зубы сказал Виктор, наблюдавший за сценой.

– Для них границ нет, – ответила Тамара, вытирая руки. – Только страх. Сейчас они боятся реки больше, чем меня. Значит, хотят, чтобы река меня забрала. Или чтобы я сама ушла.

– Мы должны уехать. Хотя бы на время.

– Бежать? – в ее голосе прозвучало ледяное презрение. – Это мой дом. Земля моего деда. Я не побегу от сплетен и от пьяных дегенератов.

– Тамара, они могут навредить по-настоящему! Поджечь, например!

– Пусть попробуют, – она метнула на него взгляд, полный того самого атаманского вызова. – Увидим, чей дом станет погребальным костром.

Но вечером того же дня случилось нечто, что пошатнуло даже ее железную уверенность. Виктор пошел в баньку за своими тетрадями. Дождь хлестал по лицу. Войдя в темную, промозглую постройку, он зажег керосиновую лампу. И увидел, что все его записи, аккуратно сложенные на полке, были разбросаны по полу. И не просто разбросаны – страницы были вырваны, смяты, а некоторые... казалось, кто-то пытался их съесть. Они были покрыты странной слизью, темной, пахнущей тиной и гнилью. А на стене, над разорванными листами, отпечатались четкий, водянистый контур – силуэт женщины с растрепанными, длинными волосами. Контур медленно стекал, оставляя за собой темные полосы.

Это было уже не людское. Это было прямое вторжение.

Виктор вернулся в дом бледный. Он показал ей одну уцелевшую, но испачканную слизью страницу.

– Она здесь была. В бане. Она... уничтожила мою работу. Мою память о тебе, о ней, обо всем.

Тамара взяла страницу. Пальцы ее не дрожали. Она поднесла ее к носу, понюхала.

– Это не просто ревность, – сказала она тихо. – Это договор.

– Что?

– Люди... они могли ее позвать. Нашептать. Злобой своей, страхом. Она питается этим. И теперь она знает, что твои записи – это ключ. Ключ к нам. К нашей истории. Она пытается стереть ее.

В ту ночь они не спали. Сидели у печки, прислушиваясь к вою ветра и яростному реву Чумыша. Вода уже подбиралась к порогу. Осада стала физической.

– Знаешь легенду о том, как можно усмирить речную деву? – вдруг спросила Тамара, глядя в огонь.

Виктор покачал головой.

– Нужно отдать ей что-то дороже того, что она хочет забрать. Не жертву. Не жизнь. А... память. Или правду. Самую горькую.

– Я не понимаю.

– Она утонула из-за лжи и предательства. Она ненавидит ложь. Мою ложь самой себе, – Тамара повернула к нему лицо, и в ее глазах горел тот же огонь, что и в печи. – Я боюсь, Виктор. Я боюсь отпустить себя. Боюсь позволить себе быть слабой. Боюсь, что если я пущу тебя в самое нутро, ты увидишь там не атаманшу, а просто испуганную девчонку, и уйдешь. И эта ложь – что я неуязвима – она как стена между мной и всем миром. И она же кормит ее, речную. Наш страх кормит ее.

Это признание стоило ей, возможно, больше, чем бой с тремя мужиками. Виктор молча встал, подошел, опустился перед ней на колени. Он взял ее руки – сильные, шершавые, прекрасные – в свои.

– Я видел тебя, – сказал он. – Видел, как ты плачешь, когда думаешь, что никто не видит. Видел, как дрожит твоя рука, когда ты вкладываешь шашку в ножны после той истории. Видел испуг в твоих глазах, когда ты увидела ту куклу. Ты – живая. И в этой живой, хрупкой, настоящей Тамаре – вся твоя сила. Не вопреки слабости, а вместе с ней. И мне не нужна железная атаманша. Мне нужна ты. Со всем твоим страхом, твоей яростью, твоей печалью. Это и есть правда. И если ее нужно крикнуть в лицо этой речной твари, я буду кричать до хрипоты.

Она смотрела на него, и что-то в ней надломилось. Не сломалось, а растворилось, как лед под первым весенним солнцем. Слезы, которых она никогда не позволяла себе, выступили на глазах и покатались по щекам, оставляя чистые дорожки на запыленной коже. Она не рыдала, просто плакала молча, а он держал ее руки, и это было сильнее любого поцелуя.

И в этот миг странная тишина упала снаружи. Дождь... прекратился. Реветь Чумыш не перестал, но его рев теперь звучал иначе – не яростно, а... недоуменно, потерянно.

Они вышли на крыльцо. Ночь была черной, но тучи стали расходиться, показывая клочки звездного неба. Вода все еще стояла у порога, но она больше не прибывала. А посреди реки, в том самом месте, где обычно клубилась воронка, теперь плавало странное свечение – фосфоресцирующее, зеленовато-голубое, медленно вращающееся, как водоворот из света. Это было не страшно. Это было красиво и печально. Будто сама душа реки выдохнула всю свою боль и ревность и теперь показывала им что-то иное – свою древнюю, дикую душу, не только разрушительную, но и скорбящую.

– Она услышала, – прошептала Тамара, вытирая щеку. – Правду.

– Значит, есть шанс? – спросил Виктор.

– Шанс всегда есть, – она обернулась к нему. – Но люди... они не слышали. И не простят. Вода сойдет, а злоба останется.

Она была права. На следующее утро, когда солнце впервые за много дней выглянуло из-за туч, обнажив разбухшую, грязную землю и опустошенный, но отступающий Чумыш, к калитке подошел староста. Лицо его было официально-суровым.

– Тамара Васильевна. Виктор Александрович. Разговор есть. Жалобы поступают. На вас. На то, что из-за вашего... непотребного поведения, река разгневалась, чуть не снесла полдеревни. Собрание будет. Решать будем, как быть. Чтобы беду от села отвести.

Война вступила в новую фазу. Открытую. И теперь противниками были не мистические силы, а самые что ни на есть земные – страх, предрассудки и человеческая подлость, которая

часто бывает страшнее любого водоворота. Но теперь они стояли плечом к плечу. И за их спинами была не только ярость реки, но и ее странная, скорбная тишина, дарованная на одну ночь. Они приняли правду. Теперь предстояло защитить ее.

Собрание назначили на воскресенье, в клубе. Атмосфера в деревне накалялась, как воздух перед грозой, которая, казалось, лишь ненадолго отступила. Солнце, высушивая грязь, обнажало трещины на земле и в человеческих отношениях. Сплетни текли быстрее, чем отступающий Чумыш.

Тамара и Виктор готовились. Не как обвиняемые, а как полководцы перед битвой. Она, вопреки всему, надела свое лучшее платье – темно-синее, простое, но отглаженное до хрусталя. Волосы заплела в тугую, тяжелую косу, короной уложив ее вокруг головы. Ни украшений, ни косметики. Только достоинство, закаленное в поколениях. Виктор облачился в чистую рубашку, но поверх надел старый, потрепанный полевой жилет с карманами, в один из которых сунул диктофон. Он был летописцем. Он должен был все записать.

По пути в клуб их встречали молчаливыми, тяжелыми взглядами. Из-за штор мелькали испуганные или злорадные лица. У самого крыльца клуба их уже поджидала кучка мужиков во главе с Игнатом Кузнецовым и старостой, Федором Митричем. Староста был человеком не злым, но слабым, плавающим во мнении большинства.

– Заходите, заходите, – пробормотал он, избегая встретиться глазами с Тамарой.

– Мы не на экзекуцию идем, Федор Митрич, – четко сказала Тамара, переступая порог.
– На разговор.

В клубе пахло пылью, затхлостью и человеческим потом. Собралось почти все село. Бабы сжались в кучки, мужики стояли у стен, куря самокрутки. На сцене, за столом, покрытым красной когда-то тканью, сидели трое: староста, его помощник и старая Агафья, знахарка и хранительница преданий, чей авторитет в вопросах «потустороннего» был непререкаем. Ее глаза, маленькие и острые, как бусины, сразу уставились на Тамару.

Началось с формальностей. Староста пробормотал что-то о «нечаях», о «вышедшей из берегов реке», о «беспокойстве общины». Потом слово взял Игнат. Он встал, тяжело опираясь на стол, и его голос, хриплый от водки и злобы, заполнил зал.

– Все видят! С тех пор как этот щелкопер, – он тыкнул пальцем в сторону Виктора, – прибил к нашей Тамарке, покоя в селе нет! Река бесится! Рыба ушла! Дождь стоял, будто конец света! А почему? Потому что непотребство творится! На глазах у всей деревни! На глазах у самой реки! Он, наш кормилец-Чумыш, гневается! Она требует, чтоб порядок навели! Чтобы чужака прогнали, а девку..., девку образумили!

В зале поднялся ропот – одобрительный, подобострастный. Тамара сидела неподвижно, как изваяние, только пальцы чуть сжали край скамьи. Виктор хотел встать, но она едва заметно тронула его рукав: «Не сейчас».

Тогда заговорила Агафья. Ее голос был сухим, как шелест осенней листвы, но слышен был каждый звук.

– Старики говорили: река – живая. Душа в ней есть. Женская душа. Обидчивая. Ревнивая. Видит она пару на берегу, счастье земное, а у нее своего нет..., и темнеет вода, и воронки крутит. А коли пара эта – не пара вовсе? Коли один из них – враг нашему месту, нашему духу? Тогда ярость ее втройне. Она не успокоится, пока не унесет с собой то, что считает своим. Или пока..., пока ей не отдадут должное.

– Что за должное? – спросила из толпы какая-то баба.

Агафья медленно перевела взгляд на Тамару.

– Отказ. Отказ от чужака. Отказ от этих... новых мыслей. Покаяние. И жертва. Чтобы умиловить.

– Какую жертву? – уже нагло крикнул Петька Кузнецов с задних рядов.

Агафья замолчала, давая вопросу повиснуть в воздухе. Ответ и так все понимали: либо Виктор уезжает навсегда, либо Тамара должна «очиститься», порвать с ним, а может, и уйти самой – в монастырь ли, в город, лишь бы не смущала своим счастьем. Или... была и третья, невысказанная мысль, витавшая в зале: можно было отдать реке что-то ценное. Самую ценную вещь, связанную с «грехом». А что может быть ценнее для женщины? Красота? Честь? Жизнь?

Тогда поднялась Тамара. Она встала не резко, а плавно, словно высвобождая какую-то внутреннюю энергию. Все затихли. Она была самой красивой, самой сильной и самой одинокой женщиной в этом зале, и это одновременно восхищало и бесило всех.

– Должное, говорите? – ее голос прозвучал, как удар хлыста по снегу. – Я вам скажу, что есть должное. Должное – это помнить, чьи вы дети. Чьи внуки. Это наши деды, казаки, осваивали эти берега, договаривались с рекой, уважали ее гнев и ее щедрость. А не ползали перед ней на брюхе от страха, как вы! Вы не реки боитесь. Вы боитесь меня! Потому что я не вписываюсь в ваш уютный мирок, где баба должна бояться мужа, молчать и рожать. Потому что я живу одна и ни перед кем не пресмыкаюсь. А теперь я еще и полюбила. Не по вашему разрешению. И это для вас страшнее любой воронки!

В зале повисло ошеломленное молчание. Так прямо, так публично сказать о любви... это было неслыханно.

– А он-то! – завопил Игнат, пытаясь перехватить инициативу. – Он тебя использует! Книжки про нас похабные пишет!

– А вы читали? – громко спросил Виктор, наконец, вставая. Он достал из жилета диктофон и нажал кнопку. Из динамика полилась запись – скрипучий голос самой Агафьи, рассказывающей ту самую легенду об утопленнице. А потом голос старика-рыбака, голос подростка... Честные, не приукрашенные голоса самой деревни, говорящие о реке с любовью и страхом. – Вот что я записываю! Вашу память! Пока вы ее не растеряли совсем, заместив водкой и сплетнями! Я не высмеиваю. Я сохраняю. И Тамара... – он обернулся к ней, и его голос смягчился, – Тамара для меня – не персонаж. Она – живое воплощение всего, о чем я здесь услышал. Силы, чести и свободы этой земли.

Его слова, искренние и горячие, на секунду озадачили толпу. Но злоба, подпитанная завистью и страхом, была сильнее.

– Слова! Все слова! – закричал кто-то. – А река-то что говорит? Она буянит!

– Она уже успокоилась, – холодно парировала Тамара. – Как только дождь кончился? Помните? Когда вы все тут сидели по избам и боялись. А знаете, что было в ту ночь?

Она сделала паузу, оглядывая зал.

– Я заплакала. Впервые за много лет. От страха, от злости, от того, что могу все потерять. И он..., он просто взял меня за руки. И принял эту слабость. Не осудил. Не воспользовался. Принял. И река... она услышала эту правду. И отступила. Потому что она питается не правдой, а ложью. Нашим страхом показаться слабыми, нашим враньем самим себе. А вы все здесь сейчас – вы кормите ее. Своей злобой. Своей ложью про нас.

Ее слова, сказанные с невероятной внутренней силой, произвели эффект разорвавшейся бомбы. Кто-то потупил взгляд. Кто-то зашептался. Агафья, знахарка, пристально смотрела на Тамару, и в ее глазах мелькнуло нечто похожее на уважение, а затем – на ужас. Она что-то поняла.

– Дура! – вдруг выкрикнула старуха. – Ты сама ей себя отдала! Не отречением, а признанием! Ты открыла ей свою душу! Теперь она знает твою самую большую слабость! Теперь она будет жаждать не твоего счастья, а тебя самой! Целой! Чтобы ты стала такой же, как она – вечно скорбящей и одинокой в своей глубине!

Крик Агафьи, полный неподдельного мистического ужаса, отрезвил всех. Даже Игнат на секунду онемел. В зале воцарилась леденящая тишина, в которой было слышно, как где-то далеко, за окном, снова загудел Чумыш – не яростно, а протяжно, тоскливо, словно зовя кого-то.

В этот момент дверь клуба с грохотом распахнулась. На пороге, запыхавшись, стоял младший Кузнецов, Генка. Лицо его было белым как мел.

– На реке! – выпалил он. – На том месте... у старой ивы... вода светится! И... и там как будто... женщина стоит! Из воды! Смотрит сюда!

Все, как один, бросились к окнам. И увидели. Далеко, на другом берегу, в том самом гиблом месте, из черной воды реки, по пояс, действительно стояла фигура. Слишком далеко, чтобы разглядеть лицо, но силуэт был женским, а волосы, темные и длинные, сливались с течением. И от нее, от всей этой фигуры, исходило то самое фосфоресцирующее, призрачное свечение.

Крик ужаса прокатился по залу. Суеверный страх, глубже и древнее любой житейской злобы, сковал всех. Агафья закрестилась и зашептала молитвы.

Тамара и Виктор смотрели на это явление, не отрываясь. Это была не иллюзия. Это было Послание.

– Она пришла, – тихо сказала Тамара. – За ответом.

– Какой ответ? – спросил Виктор, чувствуя, как холодеет кровь.

– Либо мы бежим, подтверждая все их страхи. Либо... – она повернулась к нему, и в ее глазах горела решимость, переплавившая страх в нечто иное. – Либо мы идем к ней. Вместе. И заканчиваем этот спор раз и навсегда.

Решение пришло мгновенно, как удар молнии, и было таким же неотвратимым. В глазах Тамары Виктор увидел не просто вызов судьбе, а ту самую казачью удаль, готовую пойти ва-банк на самой круче.

– Пойдем, – сказала она, и это был не вопрос, а приказ, обращенный и к нему, и к самой себе.

Она повернулась к остолбеневшему залу. Ее голос, чистый и металлический, перекрыл шепот и плач.

– Вы хотели, чтобы река получила свое? Сейчас она здесь. И я пойду к ней. Не с покаянием, а с ответом. А вы... – ее взгляд скользнул по бледным, перекошенным страхом лицам, – вы можете сидеть здесь и дальше, трястись за свои занавески. Или посмотреть, как решается судьба этого места. Решайте.

Не дожидаясь реакции, она направилась к выходу. Виктор был рядом, его шаг совпал с ее шагом. Их уход был настолько мощным, настолько внезапным, что никто не осмелился их остановить. Только Агафья крикнула им вдогонку хриплым, полным ужаса голосом: «Не ходите, дети! Она заманивает! На погибель!»

Но они уже вышли на крыльцо. Ночь была холодной, звездной. И на том берегу, посреди черной ленты реки, по-прежнему стоял тот призрачный, светящийся силуэт. Он не двигался, просто ждал.

Они шли к лодке – старой, плоскодонке Тамариного деда, привязанной у небольшого затона выше по течению. Шли молча, но их молчание было громче любых слов. Рука Виктора нашла ее руку, и их пальцы сплелись в мертвую хватку. Это был союз, скрепленный не клятвами, а общей бездной, на край которой они сейчас смотрели.

– Ты уверена? – наконец спросил он, когда они оттолкнули лодку от берега. Весло в его руках казалось игрушечным против могучего, невидимого течения.

– Нет, – честно ответила Тамара, беря второе весло. – Но я уверена, что бегство – это конец. Конец нам. Конец мне. Я не могу жить, зная, что отдала свою судьбу на растерзание страху – ни своему, ни их нему.

Они гребли, согласуя движения. Лодка, покорная их объединенной воле, пошла через реку, не прямо к видению, а чуть выше, чтобы течение само поднесло их к нужному месту. По мере приближения свечение становилось ярче, но сама фигура не обретала четкости. Она была как ступор тумана, мерцающей энергии и темной воды. Тишина вокруг стала абсолютной – ни кваканья лягушек, ни шелеста камыша. Только плеск их весел да навязчивый, низкий гул, исходящий, казалось, из самой глубины реки.

В нескольких метрах от места, Тамара подняла руку. Они перестали грести. Лодку медленно развернуло и понесло прямо к светящемуся пятну. Виктор почувствовал, как по спине побежали ледяные мурашки. Это был не просто страх. Это было ощущение присутствия чего-то несоизмеримо древнего и бесконечно одинокого.

И тогда фигура заговорила. Не голосом, а прямо в их сознании. Звук был похож на скрежет льдин, на шелест придонного ила, на плач ветра в тростнике.

Ты пришла... наконец-то... одна..., как и я...

– Я не одна, – вслух, четко и громко сказала Тамара, сжимая руку Виктора.

Он... чужой... пройдет время... и уйдет..., оставит рану... глубже моей...

– Он не уйдет, – сказала Тамара, но в ее голосе впервые прозвучала просьба, а не утверждение. – Мы... мы боремся.

Борьба... смешно... река все смывает... всех... смывает боль..., смывает ложь..., смывает... любовь... приходи ко мне... здесь вечный покой... здесь нет обмана... только тишина... и холод...

Светящаяся фигура, словно сделала шаг навстречу, и лодку резко качнуло. Вода вокруг закипела мелкими, злыми пузырями.

– Нет! – крикнул Виктор, вскакивая и едва не перевернув утлое суденышко. Он заслонил собой Тамару, хотя понимал всю абсурдность этого жеста перед лицом стихии. – Ты ошибаешься! Не всякая любовь заканчивается болью! Не всякая память – это ложь! Мы будем помнить! И эту реку, и этот страх, и эту ночь! И это будет наша правда! А ты... ты просто

застряла в своей! Ты сама себе построила тюрьму из своей обиды и теперь тянешь в нее всех, кто посмел быть счастливее!

Его слова, выкрикнутые с отчаянием и яростью, повисли в ледяном воздухе. Свечение на миг погасло, затем вспыхнуло с новой, ослепительной силой. Из воды поднялись длинные, скользкие щупальца из тины и пены, потянувшиеся к лодке. Это была уже не попытка диалога, а атака.

И тогда Тамара сделала то, чего не ожидал никто – ни Виктор, ни, кажется, сама речная дева. Она опустилась на колени в лодке, прямо у самого борта, и протянула руки к темной, светящейся воде. Не в защите, а в открытом жесте.

– Я принимаю тебя, – сказала она, и голос ее дрогнул. – Твою боль. Твое одиночество. Твою ревность. Она часть этого места. Часть меня. Я не отрекаюсь от тебя. Но я не отрекись и от него. И от себя. Моя сила не в том, чтобы бояться тебя или сражаться с тобой. Моя сила в том, чтобы вместить и тебя, и свою любовь. Пусть это будет больно. Пусть это будет страшно. Но это будет жизнь. А не вечный холодный покой.

Она замолчала, и по ее лицу текли слезы, падая в воду и заставляя светящиеся круги расходиться от каждого попадания. Щупальца из тины замерли в сантиметре от ее пальцев. Свечение стало пульсировать, неровно, как сердце в агонии.

Жизнь... боль... снова и снова...

– Да, – выдохнула Тамара. – Снова и снова. Но в ней есть и это. – Она обернулась и посмотрела на Виктора, и в ее мокром от слез лице было столько любви и муки, что у него перехватило дыхание.

И случилось невероятное. Свечение начало меркнуть. Фигура расплывалась, превращаясь в обычный туман, который медленно стелился по воде. Низкий гул стихал. А из глубины, сквозь толщу воды, на поверхность всплыли сотни маленьких, серебристых пузырьков – как будто река вздохнула. И последним, едва уловимым шепотом в сознании прозвучало:

Помни...

Туман рассеялся. Свечение исчезло. На реке снова были слышны обычные ночные звуки. Они сидели в лодке посреди внезапно ставшей обыденной реки, дрожащие, мокрые не от брызг, а от нервной дрожи, живые.

Они не видели, что происходило на берегу. Люди, толпой высыпавшие из клуба, наблюдали за тем, как лодка приблизилась к светящемуся призраку, как он вспыхнул, как потом все стихло и погасло. Они видели, как две фигуры в лодке, объединенные одним порывом, выстояли перед тем, что для них было воплощением первобытного ужаса. И этого зрелища было достаточно, чтобы посеять в душах не страх перед Тамарой, а нечто вроде благоговейного ужаса. Или даже уважения. Они победили. Не силой оружия, а силой духа. И река... отступила.

Когда лодка причалила к их берегу, на пристани никого не было. Все разошлись по домам, потрясенные и притихшие. Только у калитки Тамариного дома их ждала Агафья. Старая знахарка смотрела на них не со страхом, а с глубоким, бездонным пониманием.

– Ну что, – хрипло сказала она. – Договорились?

– Договорились, – тихо ответила Тамара.

Агафья кивнула, долго смотрела на Виктора, потом на Тамару.

– Сила у тебя, девка, нездешняя. И любовь у вас – такая же. Тяжелая будет. Как валун на дне. Но крепкая. – Она повернулась, чтобы уйти, и бросила через плечо: – Теперь она будет вас беречь. Потому что вы – ее часть теперь. И она – ваша. Но помните... ревность – штука долгая. Она может спать. Но не умирает.

Она ушла, растворившись в темноте. Они остались одни у своего порога, перед своим домом, который больше не был осажденной крепостью, а просто домом. С очень сложным, очень опасным, но своим задним двором в виде целой реки.

Виктор обнял Тамару, прижал к себе. Она прижалась к нему лицом, и он почувствовал, как она вся дрожит – мелкой, изнутри идущей дрожью.

– Все кончено? – спросил он.

– Нет, – прошептала она в его грудь. – Теперь все только начинается. По-настоящему.

И она была права. Потому что на следующее утро, когда они вышли на крыльцо встретить первый по-настоящему ясный день, они увидели, что на пороге лежал один-единственный, идеальной формы, черный речной камень. А вокруг него, на еще влажной земле, как будто чьим-то мокрым пальцем, было выведено: «Помни».

Это было не угрозой. Это было напутствием. Договором с самой судьбой этой земли, который они подписали своей кровью, слезами и бесстрашием. А впереди была долгая жизнь, где мистика будет соседствовать с бытом, где ревность реки сменится ее покровительством, но где самое большое чудо – это два сильных сердца, научившихся биться в унисон среди сибирской глуши. Чудо, которое, возможно, и было достойно той самой Нобелевской премии за правду о жизни, любви и неукротимой воле к счастью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.